Организация Объединенных Наций CCPR/C/102/D/1412/2005

Международный пакт о гражданских и политических правах

Distr.: General*
24 August 2011
Russian
Original: English

Комитет по правам человека
Сто вторая сессия
11–29 июля 2011 года

Соображения

Сообщение № 1412/2005

Представлено:	Александром Бутовенко (адвокатом не представлен)
Предполагаемая жертва:	автор сообщения
Государство-участник:	Украина
Дата сообщения:	28 марта 2005 года (первоначальное представление)
Справочная документация:	решение Специального докладчика в соответствии с правилом 97, препровожденное государству-участнику 29 июня 2005 года (в виде документа не издавалось)
Дата принятия Соображений:	19 июля 2011 года

* Публикуется по решению Комитета по правам человека.

GE.11-45011 (R) 031111 041111

Просьба отправить на вторичную переработку

Тема сообщения:	приговор к пожизненному заключению, последовавший за применением пыток и предвзятым судом.
Вопросы существа:	эффективное средство правовой защиты; отступление от положений статьи 7; пытки, жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение или наказание; право на гуманное обращение и уважение достоинства; право на справедливое разбирательство независимым и беспристрастным судом; право на презумпцию невиновности; право на достаточное время и возможности для подготовки своей защиты; право быть судимым в своём присутствии или через посредство защитника; право на вызов и допрос свидетелей; право не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным; запрещение назначения более тяжкого наказания, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления; ретроактивное распространение действия закона, которым устанавливается более лёгкое наказание.
Процедурные вопросы:	необоснованность утверждений.
Статьи Пакта:	пункт 1 статьи 9; пункт 1 статьи 10; пункты 1, 2, подпункты b), d), e) и g) пункта 3 статьи 14; а также пункт 1 статьи 15
Статьи Факультативного протокола:	2

19 июля 2011 года Комитет по правам человека принял прилагаемый текст в качестве Соображений Комитета в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола в отношении сообщения № 1412/2005.

[Приложение]

Приложение

Соображения Комитета по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах (сто вторая сессия)

относительно

Сообщения № 1412/2005**

Представлено:	Александром Бутовенко (адвокатом не представлен)
Предполагаемая жертва:	автор сообщения
Государство-участник:	Украина
Дата сообщения:	28 марта 2005 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, образованный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 19 июля 2011 года,

завершив рассмотрение сообщения № 1412/2005, представленного Комитету по правам человека г-ном Александром Бутовенко в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является г-н Александр Бутовенко, гражданин Украины, 1975 г.р., отбывающий в настоящее время пожизненное заключение. Он утверждает, что является жертвой нарушения Украиной его прав, предусмотренных в статье 2; статье 7; пункте 1 статьи 9; пункте 1 статьи 10; пунктах 1, 2, подпунктах b), d), e) и g) пункта 3статьи 14; а также в пункте 1 статьи 15 Международного пакта о гражданских и политических правах. Факультативный

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Лазари Бузид, г-жа Кристина Шане, г-н Ахмад Амин Фаталла, г-н Корнелис Флинтерман, г-н Юдзи Ивасава, г-жа Хелен Келлер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Зонке Занеле Майодина, г-жа Юлиа Антоанелла Моток, г-н Джеральд Нойман, г-н Майкл О'Флаэрти, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Фабиан Омар Сальвиоли, г-н Кристер Телин и г-жа Марго Ватервал.

протокол вступил в силу для этого государства-участника 25 октября 1991 года. Автор сообщения не представлен адвокатом.

Факты в изложении автора

Дознание и предварительное следствие

2.1 24 декабря 1999 года автор по собственной инициативе явился в районное отделение милиции города Василькова, где был подвергнут аресту по подозрению в убийстве двух лиц 13 декабря 1999 года. Вскоре после задержания он был допрошен дознавателями милиции в отсутствие адвоката и следователя и без разъяснения его прав. В ходе этого допроса автор сообщения изложил известные ему сведения относительно упомянутого преступления. Далее он был помещён в карцер при изоляторе временного содержания (ИВС), который находился в том же здании.

2.2 Автор заявляет, что для помещения его в карцер не было законного основания; кроме того, камера, в которую он был помещён, не была пригодна для содержания людей. Несмотря на зимнюю температуру, окна не были застеклены, а камера не обогревалась; как следствие этого, стены были покрыты инеем и льдом. Из крана постоянно капала холодная вода, и перекрыть ее было невозможно. Камера не была снабжена кроватью или спальными принадлежностями, и автору приходилось спать на полу, заворачиваясь в собственную одежду. Ему удавалось спать лишь урывками, поскольку он был вынужден часто подниматься и двигаться, с тем чтобы не замерзнуть. Автор провел три дня в этом карцере, откуда его уводили на допросы днем и ночью.

2.3 Автор заявляет, что его поместили в карцер для того, чтобы насильно добиться от него признания в том, что он замыслил и собственноручно совершил это убийство. Милицейские дознаватели продолжали допрашивать его в отсутствие адвоката и следователя, не составляя при этом протоколов допросов. Автор подвергался физическому и психологическому давлению. Его били кулаками, проводами от электроприборов, резиновыми дубинками и молотками, а также пинали. Удары были чрезвычайно болезненными и наносились по тем частям тела, где остаётся меньше всего следов. По голове его били только после того, как оборачивали её одеждой. Милицейские дознаватели также применяли к нему удушающие приёмы. Что касается психологического давления, то автора подвергали частым допросам, содержали в упомянутом карцере в описанных выше условиях, лишали пищи и сна и угрожали расправой над его отцом и младшим братом. Демонстрируя реальность своих угроз, соответствующий дознаватель заставлял автора слушать крики его брата, доносившиеся из соседнего помещения. Автор заявляет, что его брата освободили через три дня и что он прошёл медицинское обследование для подтверждения причинённых ему телесных повреждений[1].

2.4 Автор заявляет, что, будучи не в состоянии вынести такие пытки, он был вынужден дать против себя признательные показания, инкриминирующие ему это убийство. После этого он "был передан" следователю из прокуратуры для проведения "официального допроса". Милицейские дознаватели предупредили автора о том, что он должен дать те же признательные показания против себя и что в противном случае пытки возобновятся сразу после отъезда адвоката и следователя.

[1] К делу приобщена медицинская справка от 29 декабря 1999 года, выданная на имя брата автора сообщения, г-на В.Б.

2.5 27 декабря 1999 года автору было впервые позволено встретиться с адвокатом, и при этом он был допрошен следователем в качестве подозреваемого. Он заявляет, что, согласно статье 107 Уголовно-процессуального кодекса, подозреваемый должен быть допрошен немедленно, по крайней мере не позднее 24 часов после задержания.

2.6 Автор заявляет, что незадолго до допроса следователь представил его адвокату, г-ну Л.К. Он не получил разъяснений относительно того, должен ли он оплатить услуги адвоката. Он сообщил адвокату о том, что подвергся избиениям с целью получения от него признательных показаний, и продемонстрировал явные следы повреждений на теле. При этом адвокат отказался запросить медэкспертизу и посоветовал автору говорить то, что дознаватели хотели от него слышать, ибо в противном случае они продолжат избивать его до тех пор, пока он не даст "необходимых" показаний следователю в присутствии адвоката. Автор отмечает, что он был настолько шокирован советом адвоката и настолько ощутил собственное бессилие, что не сумел сказать следователю правду и повторил то, что соответствовало наставлениям дознавателей и адвоката. Вскоре после этого его перевели из карцера в обычную камеру.

2.7 Автор сообщает, что в обычной камере было намного теплей и что он наконец получил возможность спать и есть. Лишь половина обычных камер в ИВС были снабжены металлическими кроватями, а, следовательно, заключённые в остальных камерах вынуждены были спать на полу. Постельных принадлежностей не предоставлялось, но в некоторых камерах заключенным было выдано несколько грязных и смердящих матрасов, причём в отсутствие таких матрасов заключённым приходилось укрываться собственной одеждой. В камерах, рассчитанных на 2-3 человека, содержалось одновременно более десяти людей, мебель отсутствовала, а освещённость и проветриваемость не были надлежащими. Хотя автор содержался в ИВС, ему ни разу не предоставили возможность выйти из помещения на прогулку; ему не предоставили возможность повидаться со своими родными и вступить с ними в переписку. Автор заявляет, что ему даже не приходило в голову пожаловаться на побои, коим он подвергся, на условия содержания, а также формально отказаться от услуг адвоката, г-на Л.К., пока он содержался под стражей в ИВС, поскольку это было бы "равносильно самоубийству".

2.8 11 января 2000 года автор был переведён в Киевский следственный изолятор (СИЗО). Он заявляет, что, согласно нормам права[2], его требовалось перевести в СИЗО в течение трёх дней, но он был вынужден оставаться в ИВС в течение 19 дней, с тем чтобы исчезли следы побоев.

2.9 17 февраля 2000 года автор подал заявление с просьбой о встрече с начальником СИЗО, описал побои, которым он подвергался в ИВС города Василькова, и обратился с ходатайством о том, чтобы его не передавали обратно в указанный ИВС. 17 февраля 2000 года автор обратился с письменным заявлением в Киевскую областную прокуратуру, сославшись при этом на "незаконные методы ведения дознания", которым он подвергся в ИВС города Василькова, и указав, что его сообвиняемый, г-н Р.К., покончил жизнь самоубийством в указанном месте содержания под стражей вследствие пыток.

2.10 22 февраля 2000 года автор был переведен обратно в ИВС города Василькова и всерьёз опасался за свою жизнь во время этапирования туда из вышеуказанного СИЗО. На этот раз он, тем не менее, не подвергся побоям и оставался в

[2] Имеется в виду пункт 4 статьи 155 Уголовно-процессуального кодекса

ИВС до 21 марта 2000 года. Как и прежде, его ни разу не вывели из помещения на прогулку; ему не позволяли видеться с родными и переписываться с ними.

2.11 10 марта 2000 года один из старших помощников Васильковского межрайонного прокурора допросил следователя по уголовному делу автора и ряд сотрудников ИВС города Василькова, которые заявили, что автор не подвергался никакому физическому давлению, не обращался с просьбой о предоставлении медицинской помощи и не жаловался на милицейских дознавателей. Автор, будучи допрошен вышеупомянутым старшим помощником Васильковского межрайонного прокурора, указал место, способы и продолжительность избиений, которым он подвергался. Хотя автор не знал имён избивавших его сотрудников милиции и не мог назвать их, он подтвердил, что смог бы опознать их. Тем не менее, старший помощник Васильковского межрайонного прокурора не предпринял никаких дальнейших действий. Конфронтации с теми сотрудниками милиции, которые, как утверждает автор, избивали его, не последовало, равно как не последовало и медицинской экспертизы, а также допросов сокамерников, которые могли бы подтвердить, что он подвергался побоям. Вместо этого, 10 марта 2000 года, вышеупомянутый старший помощник Васильковского межрайонного прокурора принял решение не возбуждать уголовного преследования в связи с противоправными действиями соответствующих милицейских дознавателей.

2.12 21 марта 2000 года автор был переведен в Киевский СИЗО. Далее, без указания даты, он официально отказался от услуг адвоката, г-на Л.К., и обратился с просьбой к своим родителям нанять другого адвоката, который впоследствии представлял его в течение остального периода предварительного расследования и в ходе судебного разбирательства. В присутствии нового адвоката автор отказался от своих самоинкриминирующих показаний, которые были даны им под физическим и психологическим давлением в отсутствие адвоката, и повторил свои первоначальные показания, данные им в устной форме во время его ареста.

Смерть сообвиняемого во время содержания под стражей

2.13 Сообвиняемый автора, г-н Р.К., был арестован милицейскими дознавателями у себя дома в тот же день, что и автор, т.е. 24 декабря 1999 года, и доставлен в районное отделение милиции города Василькова. В тот же день он якобы дал письменные показания, сознавшись в совершении указанного убийства, и заявил, что оно было замышлено и фактически исполнено автором сообщения. 1 января 2000 года г-н Р.К. скончался во время содержания под стражей. Автор заявляет, что не верит в официальную версию, согласно которой г-н Р.К. совершил самоубийство, и утверждает, что смерть послужила прикрытием методов ведения дознания, которые были применены к нему.

2.14 Автор заявляет, что, согласно рапорту от 1 января 2000 года, единственным повреждением, обнаруженным на теле г-на Р. К., оказалась странгуляционная борозда на шее. 4 января 2000 года было проведено служебное расследование обстоятельств смерти г-на Р.К. В отчете об этом служебном расследовании содержалось упоминание о рапорте от 1 января 2000 года, а также заключение, согласно которому г-н Р.К. не подвергался никакому физическому или психологическому давлению со стороны милицейских дознавателей во время нахождения в ИВС. Автор отмечает, что, согласно заключению судмедэкспертов Киевского областного бюро судебно-медицинской экспертизы от 3 января 2000 года, на теле г-на Р.К. присутствовали многочисленные повреждения, такие как царапины и синяки; эти повреждения были причинены тупыми предметами минимум за 4-7 дней до наступления смерти г-на Р.К. и не имели отношения к

причине его смерти. Автор утверждает, что указанные повреждения были на самом деле следами побоев, нанесённых милицейскими дознавателями, поскольку к моменту наступления смерти г-на Р.К. он находился под стражей уже в течение 8 дней.

2.15 Автор ссылается на заключение по результатам инициированного его матерью исследования почерка от 14 июня 2001 года, согласно которому текст "признания", написанного г-ном Р.К. 24 декабря 1999 года, равно как и текст протокола о его допросе, имели соавторов, а Р.К. при этом писал под диктовку кого-то, кто имел более развитые навыки сбора и документирования сведений, имеющих доказательную силу. Согласно тому же заключению, вышеупомянутые документы были написаны г-ном Р.К. в состоянии стресса, причиной которого могли стать, среди прочего, какая-либо экстремальная ситуация, психологические угрозы, серьёзный недуг или физическая боль. Автор настаивает на том, что, согласно этому заключению, показания г-на Р.К. в той части, которая указывает на причастность автора к этому убийству, были написаны под диктовку милицейских дознавателей.

2.16 Автор заявляет, что г-н Р.К. планировал инсценировать самоубийство для того, чтобы быть доставленным в больницу и пройти медицинское обследование в целях документирования причиненных ему телесных повреждений. Он утверждает, что г-н Р.К. был ещё жив, когда его обнаружили 1 января 2000 года, и что его "добили" милицейские дознаватели, с тем чтобы скрыть те методы ведения дознания, которые они применили к нему.

Предварительное рассмотрение уголовного дела[3]

2.17 27 августа 2000 года было завершено досудебное расследование, и уголовное дело автора было направлено в суд. 15 сентября 2000 года Киевский областной суд провёл предварительное слушание по уголовному делу автора и постановил, что основания для прекращения дела или его приостановления отсутствуют, что обвинительное заключение соответствует обстоятельствам дела и составлено в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса, а также что примененную к автору меру пресечения (взятие под стражу) следует оставить без изменения.

2.18 В предварительном слушании участвовали только судья Киевского областного суда, два судебных заседателя и прокурор. Автор заявляет, что, невзирая на то, что суд подвергает соответствующее уголовное дело реальному всестороннему рассмотрению, т.е. с точки зрения правовых норм и по существу дела, Уголовно-процессуальным кодексом не предусмотрено участие в предварительном слушании ни самого обвиняемого лица, ни его/ее адвоката. В соответствии со статьей 239 Уголовно-процессуального кодекса прокурор имеет право участвовать в предварительном слушании, и прокурор участвовал в данном слушании по делу автора. Автор также заявляет, что, хотя статья 252 предоставляет прокурору право представить возражение против постановления суда по завершении предварительного слушания, самому автору не была предоставлена даже копии этого постановления, а потому он не имел возможности обжаловать его.

[3] В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Украины (глава 23) первой стадией разбирательства в суде первой инстанции является предварительное рассмотрение уголовного дела.

Разбирательство в суде первой инстанции

2.19 3 октября 2000 года состоялось первое открытое слушание по уголовному делу автора в Киевском областном суде. В состав суда вошли тот же судья и те же судебные заседатели, которые вели предварительное слушание по уголовному делу автора 15 сентября 2000 года. В ходе судебного разбирательства автор и другие сообвиняемые, г-н А.К. и г-н Г.Д., неоднократно указывали, что в ходе досудебного следствия они подвергались незаконным методам ведения дознания, а именно пыткам, со стороны милицейских дознавателей. Автор также привлёк внимание суда к противоречиям между заключениями по итогам служебной проверки и заключения судмедэкспертов в отношении смерти г-на Р.К., наступившей во время содержания под стражей.

2.20 16 октября 2000 года Киевский областной суд принял решение о том, чтобы Киевская областная прокуратура провела дополнительное расследование в отношении повреждений на теле г-на Р.К., которые, согласно заключению судмедэкспертов, не имели отношения к причине его смерти. Киевский областной прокурор поручил провести запрошенное дополнительное расследование тому же следователю, который вёл уголовное дело автора и составлял рапорт, датированный 1 января 2000 года. 31 октября 2000 года этот следователь принял решение не возбуждать уголовного преследования по факту смерти г-на Р.К. во время его содержания под стражей. Автор заявляет, что, как и следовало ожидать, дополнительное расследование проводилось предвзято и поверхностно, опиралось на материалы служебной проверки от 4 января 2000 года и не дало никаких разъяснений относительно обстоятельств, приведших к появлению повреждений на теле г-на Р.К. во время его содержания под стражей.

2.21 Киевский областной суд продолжил рассмотрение дела автора сразу по получении заключений по итогам дополнительного расследования и отклонил все ходатайства, которые были поданы автором и его адвокатом с целью исключить обвинительные доказательства, полученные незаконно и в нарушение статьи 62 Конституции, включая "признательные показания", написанные г-ном Р. К. 24 декабря 1999 года. Суд определил, что эти доказательства были получены при полном соблюдении всех требований уголовно-процессуального законодательства. Возражение, которое представил суду адвокат автора, также было отклонено.

2.22 21 декабря 2000 года Киевский областной суд признал автора виновным по следующим пунктам обвинительного заключения: разбой (часть 3 статьи 142 Уголовного кодекса 1960 года) и преднамеренное убийство при отягчающих обстоятельствах (пункты a), d), f), g) и k) статьи 93). Он был приговорен к пожизненному лишению свободы и к конфискации имущества. Киевский областной суд заслушал свидетельские показания пяти милицейских дознавателей. Согласно показаниям этих сотрудников милиции, они не составляли никаких рапортов о дознавательных действиях и не подвергали обвиняемых никакому физическому или психологическому давлению. Суд установил, что эти сотрудники милиции не составляли никаких процессуальных документов и не осуществляли никаких процессуальных действий, которые могли бы быть представлены в суде в качестве доказательств. Суд также принял во внимание, что ни сам автор, ни его сообвиняемые не жаловались на применение незаконных методов дознания следователями, которым было поручено проведение досудебного следствия. Суд установил, что автор решил изменить свои показания после того, как ему стало известно о смерти г-на Р.К., с тем чтобы уйти от уголовной ответственности.

Оспоренный протокол судебного заседания

2.23 Без указания конкретной даты представления соответствующего документа автор, действуя согласно положениям статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса, оспорил протокол судебного заседания суда первой инстанции. Суть возражений автора состояла в том, что этот протокол был неполным и неточным и что в нём целиком отсутствовал целый ряд существенно важных заявлений и замечаний, а некоторые заявления были искажены, причём большинство ходатайств, поданных автором и его адвокатом, включая обращённое к суду возражение, вовсе не были отражены. 2 февраля 2001 года эти возражения были рассмотрены судом в том же составе, который принимал решение от 21 декабря 2000 года, и отклонены как "несоответствующие действительности" и "вымышленные". В этом заседании не принимали участие ни сам автор, ни его адвокат, поскольку суд не уведомил автора о дате слушания, а участие адвоката не предусматривалось по закону. Автор заявляет, что тот же самый прокурор, который принимал участие в разбирательстве по его уголовному делу в суде первой инстанции, также участвовал в рассмотрении возражений автора относительно протокола судебного заседания. Кроме того, у автора не было возможности обжаловать постановление суда от 2 февраля 2001 года по причине отсутствия соответствующей процедуры в законодательстве государства-участника.

Кассационное обжалование

2.24 Без указания конкретной даты представления соответствующего документа автор в кассационном порядке обжаловал в Верховном суде постановление Киевского областного суда от 21 декабря 2000 года. 10 марта 2001 года он подал дополнительную кассационную жалобу. Среди прочего, он жаловался на то, что первый допрос и первая встреча с адвокатом состоялись по прошествии более 72 часов после его ареста. Он также жаловался на незаконные методы ведения дознания (пытки), продолжительное содержание под стражей в ИВС в негуманных условиях, предвзятое расследование обстоятельств смерти г-на Р.К., отклонение всех ходатайств, представлявшихся им и его адвокатом, применение более суровой меры наказания, чем максимально предусмотренной в соответствии с законодательством государства-участника, предвзятость со стороны суда первой инстанции и отклонение его возражений относительно протокола судебного заседания. Без указания конкретных дат представления соответствующих документов адвокат автора также подал кассационную жалобу и дополнительную кассационную жалобу в Верховный суд. На кассационном слушании автор был представлен своим адвокатом, поскольку суд определил, согласно статье 358 Уголовно-процессуального кодекса, что его участие "не имеет смысла". 22 марта 2001 года Верховный суд исключил пункт g) статьи 93 Уголовного кодекса из принятого 21 декабря 2000 года постановления в отношении автора, но сохранил этот пункт в остальной части.

2.25 Без указания конкретной даты представления соответствующего документа автор безуспешно обжаловал постановление Верховного суда через надзорную процедуру.

Приговор к пожизненному тюремному заключению

2.26 Автор заявляет, что на момент совершения преступления, за которое он был приговорён к пожизненному лишению свободы, самым строгим наказанием, которое могло быть применено в Украине, являлся 15-летний срок тюремного заключения. Он уточняет, что новая Конституция вступила в силу 21 июня 1996 года и что статьёй 27 Конституции было провозглашено неотъемлемое

право каждого человека на жизнь. При этом статья 93 Уголовного кодекса предусматривала в то время два вида наказания за убийство: тюремное заключение сроком от восьми до 15 лет и смертную казнь. Исходя из положений пункта 1 "Переходных положений" Конституции, с момента её принятия законы оставались в силе в той мере, в какой они не противоречили Конституции. В соответствии с пунктом 1 постановления пленума Верховного суда от 1 ноября 1996 года судам было дано поручение осуществлять оценку конституционности положений каждого закона при рассмотрении ими дел и, при необходимости, непосредственным образом применять положения Конституции. В этой связи автор утверждает, что все положения Уголовного кодекса, предусматривавшие применение смертной казни, такие как статья 93, должны были считаться противоречащими Конституции с момента ее вступления в силу. Иными словами, как считает автор, на момент совершения преступления (13 декабря 1999 года), за которое он был осуждён, смертная казнь уже не могла применяться.

2.27 Автор также утверждает, что, исходя из моратория на применение смертной казни[4], провозглашённого президентом Украины 11 марта 1997 года, смертный приговор de facto прекратил существовать в Украине. Кроме того, применение смертного приговора в 1999 году также означало бы нарушение принятого Украиной обязательства отменить смертную казнь в связи с присоединением к Совету Европы 9 ноября 1995 года.

2.28 29 декабря 1999 года Конституционный суд провозгласил смертную казнь неконституционной. 22 февраля 2000 года парламент (Верховная Рада) принял закон под названием "О внесении изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Исправительно-трудовой кодексы", который вступил в силу 4 апреля 2000 года. Этим законом был внесён новый вид наказания в Уголовный кодекс, а именно пожизненное заключение. Автор заявляет, что, согласно "переходному законодательству", которое действовало с 29 декабря 1999 года по 4 апреля 2000 года, самым суровым наказанием являлось тюремное заключение на срок в 15 лет[5]. По мнению автора, если применимые нормы права менялись более одного раза в течение периода времени с момента совершения преступления и осуждения лица, якобы его совершившего, на это лицо должно распространяться преимущество той версии законодательства, которая предоставляет ему наиболее благоприятные правовые последствия. Иными словами, суды государства-участника должны были применить наиболее благоприятствующую версию Уголовного кодекса – "переходное законодательство" - при вынесении наказания автору. Автор заявляет, что закон от 22 февраля 2000 года, которым был введён такой вид наказания, как пожизненное тюремное заключение, не должен распространяться на него ретроактивно, поскольку этот закон предусматривает более суровое наказание, чем "переходное законодательство"[6].

[4] Курсив автора.

[5] В поддержку своего утверждения автор предоставляет копию письма от 30 октября 2000 года, которое было направлено первым проректором Национальной юридической академии Украины на имя заместителя председателя Верховного суда.

[6] В поддержку своего утверждения автор предоставляет копию письма от 13 ноября 2000 года, которое было направлено Ректором Института адвокатуры при Киевском государственном университете на имя заместителя председателя Верховного суда.

Жалоба

Статьи 7 и 10 Пакта

3.1 Автор заявляет, что кумулятивный результат его незаконного взятия под стражу, избиений, угроз репрессалий против его семьи, помещения в карцер, длительного содержания под стражей в негуманных условиях (с 24 декабря 1999 года по 11 января 2000 года и с 22 февраля 2000 года по 21 марта 2000 года), содержания под стражей без права переписки и общения, отсутствия юридической помощи и смерти г-на Р.К. причинил ему сильнейшие физические и психологические страдания, а также вызвал ощущения страха, уязвимости, угнетения и неполноценности. Учитывая тот факт, что вышеуказанные незаконные методы ведения дознания были преднамеренно применены к нему с целью заставить его свидетельствовать против самого себя, автор заявляет, что их следует квалифицировать в качестве пытки. Он далее заявляет, что, в свете своих обязательств по статье 2 Пакта, государству-участнику надлежит провести расследование в связи с заявлениями относительно обращения, противоречащего статьям 7 и 10 Пакта, сделав это безотлагательно и беспристрастно. Автор утверждает, что формальное и поверхностное расследование в связи с его заявлениями относительно применённых к нему методов физического и психологического давления, следствием чего стало необоснованное и ошибочное решение от 10 марта 2000 года о невозбуждении уголовного преследования, было равносильно неисполнению требований статей 7 и 10 Пакта в совокупности со статьей 2.

Пункт 1 статьи 9 Пакта

3.2 Автор заявляет, что на момент его задержания милицейскими дознавателями 24 декабря 1999 года не были применимы никакие из оснований для ареста, перечисленные в частях 1 и 2 статьи 106 Уголовно-процессуального кодекса. Таким образом, лишение его свободы не было мотивировано законными основаниями и означало нарушение пункта 1 статьи 9 Пакта. Кроме того, применительно к нему милицейскими дознавателями не были соблюдены следующие процессуальные требования, установленные Уголовно-процессуальным кодексом:

a) до первого допроса разъяснить подозреваемому его право иметь защитника и составить об этом протокол (статья 21 Уголовно-процессуального кодекса);

b) обеспечить доступ к адвокату с момента задержания (часть вторая статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса);

c) допрос подозреваемого должен быть произведён немедленно (часть вторая статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса);

d) подозреваемому должны быть разъяснены его права (статья 431 Уголовно-процессуального кодекса);

e) предоставить подозреваемому возможность защищаться установленными законом средствами (часть вторая статьи 21 Уголовно-процессуального кодекса);

f) указать в протоколе задержания, среди прочего, пояснения задержанного и разъяснить ему в порядке, предусмотренном частью второй статьи 21 Уголовно-процессуального кодекса, право иметь свидание с защитником (часть третья статьи 106 Уголовно-процессуального кодекса).

Статья 14 Пакта

3.3 Автор заявляет, что гарантии беспристрастного правосудия также распространяются на досудебное расследование, проводимое милицией и прокуратурой[7]. В этой связи он заявляет, что был нарушен подпункт g) пункта 3 статьи 14 Пакта, поскольку он был подвергнут незаконным методам ведения дознания в период с 29 декабря 1999 года по 11 января 2000 года с целью принудить его к даче показаний против самого себя и к признанию себя виновным. Помимо этого, впоследствии и в нарушение пунктов 1 и 2 статьи 14 Пакта, он был признан судом виновным − в основном на основании этих показаний, которые были получены незаконным путем.

3.4 Автор заявляет, что он был лишен доступа к какому бы то ни было адвокату в течение 72 часов, а к адвокату по своему выбору – свыше двух месяцев; он был лишен права хранить молчание; ему был назначен адвокат, оказавшийся в этой роли в силу должностной необходимости и принимавший участие в процессуальных действиях лишь формально, а сам автор не получил разъяснений относительно своих прав на защиту после того, как был арестован 24 декабря 1999 года. В этой связи он заявляет о том, что были нарушены его права по подпунктам b) и d) пункта 3 статьи 14 Пакта.

3.5 Автор заявляет, что, вопреки принципу верховенства права, согласно которому каждому обвиняемому должна быть предоставлена возможность участвовать во всех стадиях процесса, обращённого против него, ни он сам, ни его адвокат не были допущены к участию в предварительном рассмотрении его уголовного дела Киевским областным судом. Более того, вопреки принципу правовой определённости, в этом предварительном слушании участвовал соответствующий прокурор. Кроме того, как полагает автор, Киевский областной суд не устранил никаких пробелов дознания и предварительного следствия, что в свою очередь является демонстрацией того, что суд был предвзятым и не отвечал требованиям уголовно-процессуального законодательства. Автор также заявляет, что, в силу того факта, что предварительное слушание его уголовного дела не было публичным и что ему не была предоставлена копия постановления суда от 15 сентября 2000 года, он был лишён возможности надлежащим образом подготовиться к своей защите на последующих стадиях процесса в суде первой инстанции. В этой связи он настаивает на том, что вышеизложенные факты наглядно подтверждают нарушение его прав в соответствии с пунктом 1, подпунктами b) и d) пункта 3 статьи 14 Пакта в совокупности с подпунктом a) пункта 3 статьи 2 Пакта.

3.6 Автор утверждает, что имело место отдельное нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта, поскольку те же судья и два заседателя, которые вели предварительное рассмотрение его уголовного дела 15 сентября 2000 года, участвовали в разбирательстве в суде первой инстанции[8].

3.7 Автор заявляет, что факты, суммарно изложенные в пунктах 2.3, 2.5, 2.14 и 2.19 выше, указывают на то, что вынесенный ему обвинительный приговор основывается в значительной мере на незаконно полученных доказательствах посредством применения пыток и других незаконных методов ведения дозна-

[7] Автор ссылается на решение Европейского суда по правам человека от 8 февраля 1996 года по делу *Мюррей против Соединенного Королевства* по жалобе № 18731/91.

[8] Автор ссылается на особое мнение, представленное г-жой Кристиной Шане, г-ном Куртом Херндлем, г-ном Франсиско Хосе Агилларом Урбиной и г-ном Бертилем Веннергреном в связи с сообщением № 240/1987 *Коллинз против Ямайки* (Соображения приняты 1 ноября 1991 года).

ния, а суды государства-участника не выявили того, что представляется автору очевидным нарушением его права на защиту и прочими нарушениями уголовно-процессуального законодательства на этапе дознания и досудебного расследования. В этой связи он утверждает, что имело место нарушение пункта 1 и подпункта g) пункта 3 статьи 14 Пакта.

3.8 Автор заявляет, что, несмотря на тот факт, что существовали серьёзные основания полагать, что единственный другой свидетель произошедшего 13 декабря 1999 года убийства двух лиц, а именно г-н Р. К., был подвергнут незаконным методам ведения дознания с целью принудить его написать "признательные показания" 24 декабря 1999 года и, в силу его смерти во время содержания под стражей, не сумел дать показания в суде, именно эти самые "признательные показания" г-на Р.К. и были использованы судом в качестве ключевого доказательства при вынесении ему обвинительного приговора. В этой связи автор утверждает, что имело место нарушение его прав в соответствии с пунктом 1 и подпунктом e) пункта 3 статьи 14 Пакта.

3.9 Автор заявляет, что факты, суммарно изложенные в пункте 2.23 выше, указывают на то, что имело место отдельное нарушение пункта 1 и подпункта d) пункта 3 статьи 14 Пакта в связи с исследованием его возражений в отношении протокола заседания суда от 2 февраля 2001 года.

3.10 Автор указывает на то, что факты, суммарно изложенные в пункте 2.24 выше, указывают на то, что имело место отдельное нарушение подпунктов b) и d) пункта 3 статьи 14 Пакта в совокупности с пунктом 1 статьи 14 и подпунктом c) пунктах 3 статьи 2 Пакта, поскольку ему не было позволено участвовать в кассационных слушаниях, в связи с чем он был лишен возможности защищать себя, лично присутствуя при этом.

3.11 Автор заявляет, что, не разъяснив ему правовых оснований для вынесения ему приговора о пожизненном заключении, Киевский областной суд фактически лишил его возможности подготовить и вести собственную защиту в кассационной инстанции, что в свою очередь означает отдельное нарушение пункта 1 и подпункта b) пункта 3 статьи 14 Пакта.

Пункт 1 статьи 15 Пакта

3.12 Автор утверждает, что, приговорив его к пожизненному заключению, суды государства-участника применили более суровое наказание, чем то, которое было применимо на момент совершения преступления, и то, которое было применимо в соответствии с "переходным законодательством", а именно тюремное заключение на срок в 15 лет.

Замечания государства-участника относительно существа сообщения

4.1 В своих представлениях от 20 февраля 2006 года государство-участник излагает замечания по существу сообщения. Государство-участник отмечает при этом, что тот факт, что оно не комментирует каждое утверждение автора в отдельности, не подразумевает приемлемости для него этих утверждений.

Статья 2 Пакта

4.2 Что касается заявленного нарушения статьи 2 Пакта на стадии предварительного рассмотрения уголовного дела, то государство-участник признает, что на этой стадии процесса осужденные не располагают средствами правовой защиты, предусматривающими возможность обжалования полученного от суда отказа рассматривать их ходатайства. Кроме того, рассмотрение данного дела ограничивается процедурными вопросами, перечисленными в статье 242 Уго-

ловно-процессуального кодекса, и не касается вопросов существа. Государство-участник ссылается на следующий комментарий к статье 240 Уголовно-процессуального кодекса: "...отказ поддержать ходатайство не подлежит обжалованию, хотя это никоим образом не лишает подателя этого ходатайства возможности подать то же ходатайство на стадии рассмотрения дела по существу"[9], когда такое средство правовой защиты реально действует. Государство-участник заявляет, что нарушение статьи 2 Пакта отсутствует, поскольку постановление Киевского областного суда от 15 сентября 2000 года не "ущемило положения автора в качестве представшего перед судом обвиняемого" (суд рассматривал исключительно процедурные вопросы), тем более что существовало определенное средство правовой защиты на стадии рассмотрения дела по существу.

Статья 7 Пакта

4.3 В связи с заявленным нарушением статьи 7 Пакта государство-участник ссылается на фигурирующие в этом сообщении факты, обобщенные в пунктах 2.3 и 2.14 выше, и заявляет, что автор не представил никаких доказательств в подкрепление своих заявлений о том, что он подвергся избиениям и прочим видам физического и/или психологического давления. Оно утверждает, что ссылка автора на медицинские документы, относящиеся к другим лицам, не могут по аналогии рассматриваться в качестве доказательства схожего обращения с самим автором, а потому Комитету не следует рассматривать их как доводы в пользу заявлений автора в отношении статьи 7. Государство-участник ссылается на решение о приемлемости, принятое Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) по делу Чижов против Украины, в рамках которого было определено, что "в отсутствие какого-либо обоснования жалоба [на избиения] сочтена явно необоснованной"[10].

4.4 В связи с заявленными автором негуманными условиями содержания под стражей государство-участник заявляет, что он не исчерпал внутренних средств правовой защиты в связи с этими утверждениями. Жалобы на "ненадлежащие" условия содержания под стражей должны представляться согласно статьям 2481−2489 Уголовно-процессуального кодекса.

4.5 В связи с утверждениями автора о том, что его содержание под стражей без права общения и переписки в период с 24 декабря 1999 года по 11 января 2000 года и далее с 22 февраля 2000 года по 21 марта 2000 года было равносильно пытке по смыслу статьи 7 Пакта, государство-участник отмечает, что ЕСПЧ проводит разграничение между "пыткой" и "бесчеловечным или унижающим достоинство обращением или наказанием"[11]. Оно заявляет, что вряд ли можно вообразить, что содержание автора под стражей без права общения и переписки причинило ему столь серьёзные и жестокие страдания, которые позволили бы рассматривать такой режим как пытку. Государство-участник утверждает, что автор не подвергался содержанию под стражей без права общения и переписки. Во-первых, он не содержался под стражей "без возможности общения", поскольку он хотя бы формально общался со своим адвокатом. Кроме того, государство-участник заверяет, что оно выполнило свои обязательства по

[9] Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Украины (Отв. ред. В.Ф.Бойко, В.Г.Гончаренко), 1997 г., г. Киев, Юринком Интер, комментарий к статье 240, стр. 294.

[10] Постановление ЕСПЧ от 6 мая 2003 г. по делу 6962/02 *Чижов против Украины*.

[11] Постановление ЕСПЧ от 18 января 1978 г. по делу *Ирландия против Соединённого Королевства* (Series A No. 25, pp. 66-67, paragraph 167).

предоставлению бесплатной юридической помощи в связи с уголовными делами, и отмечает, что никакое государство не может быть ответственным за любые недочеты в работе того или иного адвоката, назначенного для целей оказания правовой помощи[12]. Во-вторых, автор не содержался под стражей в одиночной камере, поскольку в своём сообщении в адрес Комитета он жаловался на то, что следователь не допросил его сокамерников, которые могли бы показать, что он подвергался побоям.

Статья 9 Пакта

4.6 Что касается утверждения автора о том, что его арест был произвольным и представляет собой нарушение пункта 1 статьи 9 Пакта, то государство-участник ссылается на пункт 2) части первой статьи 106 Уголовно-процессуального кодекса, в соответствии с которым лицо, подозреваемое в совершении преступления, может быть задержано, если "очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо, как на совершившее преступление". Государство-участник напоминает о том, что автор явился в районное отделение милиции города Василькова по собственной инициативе для дачи признательных показаний, а потому вместо заявлений очевидцев или потерпевших фигурируют его собственные показания. В любом случае следователь должен был удостовериться первоначально в правдивости показаний автора, прежде чем обратиться в прокуратуру за санкцией. В этой связи государство-участник заявляет, что арест автора, произведённый 24 декабря 1999 года, отвечал требованиям статьи 106 Уголовно-процессуального кодекса.

4.7 Что касается утверждений автора, обобщённых в подпунктах a), d) и f) пункта 3.2 выше, то государство-участник ссылается на протокол от 27 декабря 1999 года, предшествующий первому допросу автора в качестве подозреваемого, где фигурирует подпись автора и содержится собственноручно написанный им текст следующего содержания:

> "Мне были разъяснены мои права в качестве подозреваемого. Я намерен назначить г-на Л.К., адвоката, своим представителем. Я четко осознаю свои права по статье 63 Конституции. Я намерен давать показания по данному преступлению".

Государство-участник дополнительно сообщает, что вышеупомянутый протокол был прежде всего подписан этим адвокатом, что подтверждает факт наличия у автора своего представителя, а соответственно и соблюдения его права на защиту. Хотя в этом протоколе не указано время его составления, государство-участник подчёркивает, что автору были разъяснены его права в качестве подозреваемого и что он встречался с указанным адвокатом до своего первого допроса. Кроме того, автор не представил никаких доказательств в обоснование своих утверждений об обратном (см. Пункт 3.2 b) выше).

4.8 Государство-участник заявляет, что им было выполнено требование закона о немедленном производстве допроса автора в качестве подозреваемого (см. пункт 3.2 c) выше). Оно заявляет, что, согласно действующему законодательству, допускается задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления, на 72 часа, в течение которых должно быть принято постановление либо о применении к таким лицам меры пресечения в виде содержания под стражей, либо об их освобождении. В данном случае допрос автора был произведён че-

[12] Постановление ЕСПЧ от 13 мая 1980 г. по делу *Артико против Италии* (Series A No. 37, p. 18, paragraph 36).

рез три дня после его задержания, сразу после вынесения прокурором постановления о его заключении под стражу.

4.9 Что касается утверждений автора, обобщённых в пункте 3.2 e) выше, то государство-участник ссылается на комментарий к статье 21 Уголовно-процессуального кодекса[13], согласно которому право на защиту гарантируется в той мере, в какой закон наделяет автора как участника надлежащего процесса определённым набором процессуальных прав, позволяющих ему защищать свои интересы; наделяет автора правом пользоваться услугами адвоката; а также вменяет в обязанность следователю, прокурору и суду по данному делу уважать эти права. Государство-участник заявляет, что в рамках данного дела автор был признан в качестве участника надлежащего процесса, ему был предоставлен адвокат, а его процессуальные права соблюдались соответствующими государственными органами и судебными инстанциями.

Статья 10 Пакта

4.10 Поскольку заявления автора касательно статьи 10 Пакта связаны с его заявлениями касательно статьи 7, государство-участник отсылает Комитет к своим комментариям, изложенным в пунктах 4.3−4.5 выше.

Заявленные нарушения статьи 14 Пакта

4.11 В связи с заявлениями автора по пункту 1 статьи 14 Пакта (см. пункты 3.5 и 3.6 выше) государство-участник поясняет, что предварительное рассмотрение уголовного дела представляет собой отдельный этап процесса, в рамках которого суд или судья единолично – в зависимости от тяжести преступления – определяют, достаточно ли проработано дело в рамках предварительного следствия для того, чтобы суд первой инстанции приступил к рассмотрению существа дела[14]. Что касается участия обвиняемого лица или его/ее адвоката в предварительном рассмотрении уголовного дела, то, согласно комментарию к статье 240 Уголовно-процессуального кодекса, на этом этапе судом или одним судьёй проводится закрытое заседание и что круг участников ограничен судьёй/судьями, прокурором и секретарём суда. Обвиняемому или его адвокату могут быть направлены повестки, по усмотрению суда или судьи, для участия в этом слушании после получения от них соответствующих ходатайств[15]. Подобных ходатайств по данному делу заявлено не было (заявленные ходатайства либо не были удовлетворены, либо не относились к делу), а потому у Киевского областного суда не было оснований для вызова в суд автора или его адвоката. Государство-участник утверждает, что предварительное рассмотрение этого уголовного дела не оказало никакого влияния на выводы о виновности автора, и, таким образом, его права в соответствии с пунктом 1 статьи 14 Пакта не нарушались.

4.12 Что касается заявленного нарушения права автора по пункту 3 b) статьи 14 Пакта, то государство-участник ссылается на практику принятия Комитетом своих решений[16] и заявляет, что автор не указал, какие меры были приняты им и его адвокатом, с тем чтобы получить доступ к материалам дела или ходатайствовать об отсрочке слушаний. В этой связи оно делает вывод об отсут-

[13] См. в сноске 9 выше: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Украины, комментарий к статье 21, стр. 50.

[14] Там же, комментарий к статье 237, стр. 289.

[15] Там же, комментарий к статье 240, стр. 293.

[16] Речь идёт о сообщении № 610/1995, *Генри против Ямайки* (Соображения приняты 20 октября 1998 года), пункт 7.5.

ствии нарушения права автора иметь достаточно времени и возможностей для подготовки своей защиты.

4.13 В связи с утверждениями автора о том, что он не был представлен адвокатом в первые три дня после своего ареста и что назначенный ему по служебной линии адвокат не был его добросовестным защитником, государство-участник подтверждает состоявшееся 27 декабря 1999 года назначение в качестве защитника автора одного из адвокатов по служебной линии, но заявляет, что его первый допрос состоялся в тот же день, а также что автор был представлен адвокатом во время этого допроса. Кроме того, к автору не применялись никакие процедурные меры в течение трёхдневного периода, когда он не был представлен адвокатом. Государство-участник ссылается на практику принятия Комитетом своих решений[17] и заявляет, что автор был представлен адвокатом на каждой стадии обращённого против него процесса, а потому отсутствие адвоката с 24 по 27 декабря 1999 года не означало нарушения его права по пункту 3 d) статьи 14 Пакта.

4.14 Касательно эффективности правовой помощи, предоставленной упомянутым адвокатом по служебной линии, государство-участник ссылается на позицию ЕСПЧ, согласно которой "сам факт назначения не гарантирует эффективной помощи, поскольку адвокат, назначенный для целей оказания юридической помощи, может […] пренебречь своими обязанностями", но "если они поставлены в известность об этой ситуации, власти могут либо заменить его, либо заставить выполнять свои обязанности"[18]. Государство-участник заявляет, что в своём сообщении в адрес Комитета автор не утверждает, что он уведомил властные инстанции о неэффективности адвоката, назначенного по служебной линии. Оно делает вывод о том, что властные инстанции государства-участника не могут нести ответственность за поведение адвоката, назначенного по служебной линии, поскольку автор не уведомил их о его неэффективности.

4.15 В связи с заявлением автора по пункту 3 g) статьи 14 Пакта государство-участник ссылается на принятое Комитетом Замечание общего порядка № 13[19] и напоминает о своих замечаниях в связи с заявлениями автора по статьям 7 и 10 Пакта, которые изложены выше в пунктах с 4.3 по 4.5 и в пункте 4.10. Оно делает вывод о том, что право автора не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным нарушено не было.

Статья 15 Пакта

4.16 Что касается утверждений автора по пункту 1 статьи 15 Пакта, то государство-участник заявляет, что поднятая автором проблема носит сугубо юридический характер и касается действия законодательства во времени. Утверждение автора о том, что мораторий на смертную казнь по существу действовал с 11 марта 1997 года, когда был подписан соответствующий указ президента Украины, является ошибочным, поскольку президент не может вносить изменения в законы (в особенности в Уголовный кодекс) своими указами, а потому

[17] Сообщение № 704/1996, *Шоу против Ямайки* (Соображения приняты 2 апреля 1998 года), пункт 7.5.

[18] См. сноску 12 выше (p. 16, paragraph 33). Государство-участник также ссылается на постановление ЕСПЧ от 19 декабря 1989 года по делу 9783/82, *Камасински против Австрии*.

[19] Замечание общего порядка № 13: Равенство перед судами и право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела независимым, компетентным и беспристрастным судом, созданным в соответствии с законом (статья 14), HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I), стр.240, п.14.

смертная казнь как вид уголовного наказания продолжала существовать до 29 декабря 1999 года, когда Конституционный суд объявил положения Уголовного кодекса о смертной казни неконституционными. Таким образом, на момент совершения преступления статья 93 Уголовного кодекса предусматривала два вида наказания за убийство: тюремное заключение на срок от восьми до пятнадцати лет и смертную казнь.

4.17 21 декабря 2000 года Киевский областной суд признал автора виновным по пункту обвинения в умышленном убийстве двух лиц при отягчающих обстоятельствах, по которому суды обычно назначают наказание в виде смертной казни. Таким образом, учитывая требование, согласно которому суд должен применять меру наказания, действующую на момент совершения преступления, Киевский областной суд должен был бы применить к автору наказание в виде смертной казни. Однако, поскольку этот вид наказания был объявлен неконституционным и заменен пожизненным тюремным заключением, что представляется более снисходительным, суд приговорил автора к пожизненному тюремному заключению[20]. Государство-участник заявляет, что суды применили законную меру наказания, из чего следует, что права автора по пункту 1 статьи 15 Пакта нарушены не были.

Комментарии автора по замечаниям государства-участника

5.1 30 апреля 2006 года автором были представлены комментарии по замечаниям государства-участника наряду с предложением считать те утверждения автора, которые не были отражены в этих замечаниях, обоснованными[21].

Статья 2 Пакта

5.2 Автор отмечает, что государство-участник само признало, что автор не имел доступа к средствам правовой защиты на стадии предварительного рассмотрения его уголовного дела, которые позволили бы ему обжаловать отказ суда рассматривать его жалобы. Он вновь заявляет, что его утверждение о нарушении статьи 2 должно быть исследовано в связи с его заявлениями по пункту 1, подпунктам b) и d) пункта 3 статьи 14 Пакта.

Статьи 7 и 10 Пакта

5.3 Автор повторяет свое первоначальное заявление о кумулятивном эффекте ряда факторов, которые причинили ему сильнейшие физические и психологические страдания, и настаивает на том, что примененные к нему незаконные методы ведения дознания с целью принуждения к даче показаний против самого себя следует квалифицировать как пытку[22].

5.4 В связи с утверждением государства-участника о том, что автор не сумел обосновать свои заявления по статьям 7 и 10 Пакта, он ссылается на постановление ЕСПЧ, которое признает, что заявления о применении пыток во время нахождения под стражей в полиции чрезвычайно тяжело поддаются обоснованию со стороны жертвы в условиях, когда это лицо было изолировано от внешнего мира, не имея доступа к врачам, адвокатам, семье или друзьям, которые могли

[20] Государство-участник также ссылается на постановление ЕСПЧ от 22 июня 2000 года (№ 32492/96, 32547/96, 32548/96, 33209/96 и 33210/96), *Коэм и другие против Бельгии*, пункт 145.

[21] Речь идёт о сообщении № 529/1993, *Эдвардс против Ямайки* (Соображения приняты 28 июля 1997 года, пункт 8.3).

[22] См. сноску 1 выше (p. 66, paragraph 167).

бы оказать поддержку и собрать необходимые доказательства[23]. Учитывая тот факт, что государство-участник не сумело провести тщательное и эффективное расследование относительно его утверждений о применении к нему незаконных методов ведения дознания, равно как и относительно травм, причиненных его брату, одному из свидетелей по делу и г-ну Р.К., являвшемуся сообвиняемым, автор просит Комитет сделать вывод о наличии нарушения статей 7 и 10 Пакта.

5.5 Автор настоятельно просит Комитет применить подход по типу "отсутствия обоснованных сомнений" при оценке представленных ему материалов[24]. Автор напоминает о том, что он, его брат, г-н Р.К. и двое других сообвиняемых, а именно г-н А.К. и г-н Г.Д., содержались под стражей в одном и том же ИВС в течение одного и того же периода времени и подвергались незаконным методам ведения дознания со стороны одних и тех же сотрудников милиции. Помимо попыток автора представить жалобу на предмет применения незаконных методов ведения дознания, описанных в его первоначальном представлении в адрес Комитета, им представлена копия протоколов о допросах от 19 апреля 2000 года и 14 июня 2000 года, в связи с чем им сделаны пояснения в том смысле, что его показания против самого себя были получены от него милицейскими дознавателями с помощью физического и психологического давления.

5.6 Что касается утверждений автора относительно негуманных условий содержания под стражей в ИВС города Василькова в период с 24 декабря 1999 года по 11 января 2000 года и далее с 22 февраля 2000 года по 21 марта 2000 года, то он заявляет, что эти претензии следует рассматривать в контексте умышленного применения по отношению к нему незаконных методов ведения дознания. Автор напоминает, что по этим претензиям не было проведено тщательной, безотлагательной и беспристрастной проверки, несмотря на многочисленные жалобы, поданные в прокуратуру, Киевский областной суд и Верховный суд. В связи с доводами государства-участника относительно неисчерпания внутренних средств правовой защиты по его претензиям автор заявляет, что бремя доказывания теоретической и практической эффективности доступных средств правовой защиты лежит на государстве-участнике, утверждающем, что они не были исчерпаны.

5.7 Автор признает, что он не возбудил процедуру гражданского иска с предъявлением претензий относительно условий его содержания под стражей, но отмечает при этом, что государство-участник не сумело объяснить, каким образом такая процедура могла обеспечить ему средство правовой защиты в его положении, равно как и не сумело привести никаких примеров судебных разбирательств по такому иску со стороны какого-либо осужденного лица, с тем чтобы доказать, что такого рода средство правовой защиты имеет разумные шансы на успех.

5.8 Касаясь утверждений автора в отношении содержания под стражей с ограничением общения, он подтверждает свои доводы относительно суммарных последствий целого ряда факторов, включая содержание под стражей с ограничением общения, которые доставили ему сильнейшие физические и психологические страдания. Автор настаивает на том, что в первые три дня после своего задержания он содержался под стражей в условиях одиночного заключения и был переведен в камеру с обычными условиями содержания только после дачи им показаний против самого себя. Кроме того, он фактически был лишен воз-

[23] Постановление ЕСПЧ от 18 декабря 1996 года, № 21987/93, *Аксой против Турции*, пункт 97.

[24] См. сноску 1 выше (paragraph 33).

можности общения с внешним миром, поскольку адвокат, формально навязанный ему органами дознания, представлял его столь же формально и сотрудничал с органами дознания, способствуя сокрытию ими их незаконных действий.

Статья 9 Пакта

5.9 Автор отвергает утверждения государства-участника о том, что он был подвергнут задержанию 24 декабря 1999 года при полном соблюдении требований статьи 106 Уголовно-процессуального кодекса, и заявляет, что он действительно явился в районное отделение милиции города Василькова по собственной инициативе, но отмечает, что он не давал при этом признательных показаний в отношении совершения убийства. При этом он утверждает, что, вопреки требованиям статьи 96 Уголовно-процессуального кодекса, его первоначальные устные показания, данные им во время его задержания, не были зафиксированы в протоколе. Более того, данные им пояснения по обстоятельствам совершения убийства не были отражены в протоколе о задержании от 24 декабря 1999 года, причем в протоколе не указано, что ему были разъяснены его права.

5.10 Автор дает подробные разъяснения на предмет того, что на момент его задержания власти государства-участника не обеспечили соблюдения требований части четвертой статьи 106 Уголовно-процессуального кодекса. Он заявляет, что государство-участник признало факт назначения ему адвоката и проведения его первого допроса в качестве обвиняемого по прошествии трех дней после его задержания, т.е. 27 декабря 2000 года. Автор напоминает о том, что, согласно части второй статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса, подозреваемый должен быть немедленно допрошен и, согласно части второй статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса, ему/ей должен быть назначен адвокат в течение 24 часов с момента задержания. Кроме того, он утверждает, что, согласно пункту 3 части третьей статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса, участие адвоката в его случае было обязательным. Автор резюмирует, что власти государства-участника нарушили положения внутреннего законодательства в связи с его задержанием и последующим помещением под стражу, а потому имело место также нарушение его прав по пункту 1 статьи 9 Пакта.

Статья 14 Пакта

5.11 В связи с изложенными в пункте 4.11 выше доводами государства-участника автор напоминает, что во время предварительного рассмотрения его уголовного дела Уголовно-процессуальным кодексом не было предусмотрено участие либо обвиняемого, либо его/ее адвоката в предварительном слушании, а потому у них не было возможности обращения в суд с ходатайством о направлении им соответствующей повестки. Автор также напоминает о том, что действовавшим в то время Уголовно-процессуальным кодексом не было предусмотрено возможности предоставления им копии соответствующего решения и его дальнейшего обжалования. Более того, он получил копию своего обвинительного заключения только после предварительного рассмотрения его уголовного дела Киевским областным судом. Автор настаивает на том, что имело место нарушение его права по пункту 1 статьи 14 Пакта.

5.12 В связи с утверждениями государства-участника о том, что предварительное рассмотрение его уголовного дела не влияло на определение его вины, автор утверждает, что Киевский областной суд тем не менее рассмотрел 15 сентября 2000 года ряд вопросов, имевших определяющее значение по существу его уголовного дела, и в частности вопрос о том, было ли его право на защиту на стадии дознания и досудебного следствия должным образом обеспечено, вопрос о возможном наличии оснований для прекращения или приостановления

процессуальных действий, вопрос о достаточности доказательной базы для рассмотрения дела в суде, а также вопрос о том, были ли привлечены к ответственности все лица, в отношении которых были получены инкриминирующие их свидетельства[25]. В этой связи автор заявляет, что предварительное слушание его дела Киевским областным судом вышло далеко за рамки процедурных вопросов и фактически представляло собой полное слушание данного дела. Он вновь заявляет свою первоначальную претензию, согласно которой участие в процессуальных действиях в суде первой инстанции того же судьи и тех же заседателей, которые рассматривали его уголовное дело в предварительном порядке 15 сентября 2000 года, представляет собой отдельное нарушение его права по пункту 1 статьи 14 Пакта.

5.13 Автор отвергает доводы государства-участника о том, что ему не удалось указать, какие действия были предприняты им и его адвокатом по получению ими доступа к материалам дела или по представлению ходатайства о приостановлении, и заявляет, что предварительное слушание его дела Киевским областным судом не было публичным, а потому он не имел возможности обращаться с какими-либо ходатайствами или обжаловать решение от 15 сентября 2000 года. Он просит Комитет сделать вывод о наличии нарушения пункта 3 b) статьи 14 Пакта.

5.14 Автор напоминает о своих претензиях, изложенных в пункте 3.4 выше, отвергает доводы государства-участника, приведенные в пунктах 4.12−4.14 выше, и заявляет, что отсутствие адвоката в течение 72 часов и тот факт, что ему не было разъяснено его право на защиту, в результате представляют собой отдельное нарушение его права по пунктам 3 b) и 3 d) Пакта. Более того, именно в течение этих 72 часов автора принуждали к даче показаний против самого себя и к признанию себя виновным - признанию, которое послужило основанием для предъявления ему обвинения и его последующего осуждения.

5.15 Автор отмечает, что, согласно пункту 3 d) статьи 14 Пакта, в случае отсутствия у лица необходимых средств для оплаты юридической помощи такая помощь предоставляется ему бесплатно. В его случае он не обращался к органам дознания с просьбой назначить ему адвоката по служебной линии, а его семья располагала достаточными средствами для того, чтобы нанять адвоката. При этом его семья наняла адвоката сразу после того, как ему удалось обратиться к ним по официальным каналам, поскольку он не располагал средствами общения с внешним миром. Автор заявляет, что государство-участник не может упрекать его в неуведомлении соответствующих властных инстанций относительно неэффективности адвоката, назначенного по служебной линии. Во-первых, этот адвокат был ему навязан органами дознания посредством применения пыток и других незаконных методов ведения дознания. Во- вторых, автор ссылается на протокол допроса от 14 июня 2000 года в поддержку своего утверждения о том, что он обращался с жалобами к властям государства-участника, включая прокуратуру, относительно неэффективности адвоката, назначенного ему по служебной линии.

[25] Речь идет о статьях 6, 242, 244, 245, 246, 248 и 253 Уголовно-процессуального кодекса.

Статья 15 Пакта

5.16 Автор вновь подтверждает свою первоначальную претензию по пункту 1 статьи 15 Пакта[26]. Он утверждает, что должен был оказаться в более выигрышном положении в силу той нормы закона, из которой для него вытекают наиболее благоприятные правовые последствия[27], т.е. "переходного законодательства".

5.17 В связи с мерой наказания, применимой на момент совершения преступления, автор заявляет (13 февраля 2011 года), что после подписания Украиной 5 мая 1997 года Протокола № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека она была обязана воздерживаться от применения и/или исполнения смертных приговоров в качестве меры наказания, поскольку такие акты противоречили бы целям и задачам этого договора[28]. Он заявляет, что аналогичную позицию занял и Конституционный суд Российской Федерации, приняв постановление от 19 ноября 2009 года[29]. В этой связи автор вновь повторяет свое первоначальное утверждение, согласно которому на 13 декабря 1999 года, т.е. на момент совершения того преступления, за которое был осужден автор, самым суровым наказанием, которое могло быть применено в Украине, являлось тюремное заключение сроком на 15 лет.

5.18 В связи с доводом государства-участника, согласно которому Киевский областной суд, принимая во внимание требование о том, что суду предписано применять меру наказания, предусматриваемую на момент совершения преступления, должен был бы применить к автору наказание в виде смертной казни, он заявляет, что в судебных решениях, принятых судами государства-участника, отсутствует какое-либо обоснование этого довода. Он также отмечает, что, согласно статье 24 Уголовного кодекса, смертная казнь рассматривалась в качестве исключительной меры наказания, в то время как в соответствии с пунктом 1-1 статьи 23 Уголовного кодекса пожизненное тюремное заключение рассматривается в качестве обычной меры наказания. Автор ссылается на принцип

[26] Автор ссылается на постановление Верховного суда Украины от 13 февраля 2009 года, которым Верховный суд определил, что наиболее суровым наказанием, которое могло быть применено в качестве меры наказания за то или иное преступление, совершённое на 6 января 2000 года. т.е. в период действия "переходного законодательства", являлось тюремное заключение на срок в 15 лет. Он также ссылается на постановление Верховного суда Украины от 11 декабря 2009 года, которым Верховный суд определил, что наиболее суровым наказанием, которое могло быть применено в качестве меры наказания за то или иное преступление, совершённое на 22 ч. 00 м. 4 апреля 2000 года. т.е. в период действия "переходного законодательства", являлось тюремное заключение на срок в 15 лет.

[27] Автор также ссылается на постановление ЕСПЧ № 10249/03 от 17 сентября 2009 года (*Скоппола против Украины*) (no. 2), пункты 100−109 и 119−121.

[28] Автор ссылается на статью 18 Венской конвенции 1969 года о праве договоров и на постановление ЕСПЧ № 17707/02 от 19 октября 2004 года, *Мельниченко против Украины*, пункт 64 (в связи с Женевской конвенцией 1951 года).

[29] См. пункт 4.3 постановления Конституционного суда Российской Федерации № 1344-0 от 19 ноября 2009 года (доступно на русском языке на сайте: http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx).

правовой определенности в уголовном праве, что гарантируется пунктом 1 статьи 15 Пакта[30].

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры принять решение о его приемлемости или неприемлемости согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 В соответствии с требованиями, предусмотренными в подпункте a) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот вопрос не рассматривается в соответствии с какой-либо другой международной процедурой разбирательства или урегулирования.

6.3 Согласно подпункту b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, Комитет не рассматривает никаких сообщений, пока не удостоверится в том, что были исчерпаны все доступные внутренние средства правовой защиты; однако, это правило не действует в тех случаях, когда установлено, что применение таких средств неоправданно затягивается или может неоправданно затягиваться либо очевидным образом не обеспечит эффективной правовой помощи.

6.4 Как утверждает государство-участник, автор не исчерпал внутренних средств правовой защиты в связи со своими утверждениями относительно негуманных условий содержания под стражей в ИВС города Василькова, и при этом государство-участник заявляет, что жалобы на "ненадлежащие" условия содержания под стражей должны представляться согласно статьям 2481–2489 Уголовно-процессуального кодекса. В этой связи Комитет последовательно настаивал на том, что государство-участник должно представить подробное описание тех средств правовой защиты, которые могли бы быть доступны автору в данном конкретном случае, и представить материалы, подтверждающие обоснованность ожиданий в плане эффективности таких средств правовой защиты[31]. Недостаточно общего описания прав и доступных средств правовой защиты. Комитет отмечает, что государство-участник не смогло представить разъяснения на предмет того, каким образом гражданское судопроизводство могло обеспечить правовую помощь в данном деле. Комитет далее отмечает, что автор жаловался на негуманные условия содержания под стражей в своей кассационной жалобе в адрес Верховного суда. В этой связи Комитет считает, что требования подпункта a) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола были соблюдены, и приходит к заключению о том, что претензии в отношении условий содержания

[30] См. сноску 27 выше, пункты 101–102. В обоснование своих претензий автором предоставлена копия постановления Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации от 25 декабря 2006 года, где определено, что при установлении той или иной меры наказания в соответствии со статьей 102 Уголовного кодекса Российской Федерации за умышленное убийство двух лиц не может применяться такая мера наказания, как смертная казнь или пожизненное тюремное заключение, поскольку последнее не было предусмотрено указанным законом, но при этом существовал мораторий на применение смертной казни в Российской Федерации. В этой связи судом было определено, что максимальный срок тюремного заключения по статье 102 Уголовного кодекса Российской Федерации составляет 15 лет.

[31] См., например, сообщение № 6/1977, *Секейра против Уругвая*, Соображения, принятые 29 июля 1980 года, пункты 6 c) и 9 b).

под стражей в ИВС города Василькова, представленные автором в соответствии со статьями 7 и 10 Пакта, являются приемлемыми.

6.5 Комитет принимает к сведению заявления автора по пунктам 1, 3 b) и d) статьи 14 Пакта в совокупности с пунктом 3 a) статьи 2 Пакта, в отношении предварительного рассмотрения его уголовного дела, а также относящиеся к этому вопросу замечания государства-участника. Комитет обращает внимание на то, что автор не представил никаких обоснований в поддержку своего утверждения о том, что Киевский областной суд в ходе предварительного слушания провел рассмотрение его уголовного дела по существу. При таких обстоятельствах Комитет считает, что автор не смог обосновать с точки зрения приемлемости свои утверждения о том, что неучастие его самого и его адвоката в предварительном слушании по его уголовному делу явилось по сути нарушением его прав по пунктам 1, 3 b) и d) статьи 14 Пакта в совокупности с пунктом 3 a) статьи 2 Пакта. Таким образом, эта часть сообщения неприемлема в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.6 С учетом вышеизложенного Комитет далее считает, что автор не смог обосновать с точки зрения приемлемости свое заявление о том, что участие в процессуальных действиях в суде первой инстанции того же судьи и тех же заседателей, которые рассматривали его уголовное дело в предварительном порядке 15 сентября 2000 года, представляет собой отдельное нарушение его права по пункту 1 статьи 14 Пакта. Таким образом, эта часть сообщения неприемлема в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.7 Комитет также отмечает заявление автора о том, что он является жертвой нарушения пунктов 1 и 3 d) статьи 14 Пакта, поскольку ни он сам, ни его адвокат не участвовали в исследовании его возражений относительно протокола судебного заседания суда первой инстанции 2 февраля 2001 года, в рамках которого, вопреки принципу правовой определенности, участвовал соответствующий прокурор. Комитет отмечает при этом, что автор не разъясняет, каким образом это обстоятельство отразилось на определении уголовных обвинений, предъявленных ему. В это связи делается вывод о том, что автор не смог в достаточной степени обосновать с точки зрения приемлемости эту часть своего сообщения. Таким образом, эта часть сообщения неприемлема в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.8 В связи с заявлениями автора о том, что ему не позволили принять участие в кассационном слушании и что он поэтому не смог защищать себя, лично присутствуя при этом, Комитет отмечает, что, как явствует из представленной автором копии постановления Верховного суда от 22 марта 2001 года, он был представлен на этом слушании своим нанятым в частном порядке адвокатом и своей матерью. Комитет далее отмечает собственное подтверждение автором того факта, что он и его адвокат подали свои соответствующие кассационные жалобы и дополнительную кассационную жалобу в Верховный суд. При таких обстоятельствах Комитет считает, что автор не смог обосновать с точки зрения приемлемости свои утверждения о том, что его неучастие в этом кассационном слушании явилось по сути нарушением его прав по пунктам 3 b) и d) статьи 14 Пакта в совокупности с пунктом 1 статьи 14 и с пунктом 3 c) статьи 2 Пакта. Таким образом, эта часть сообщения неприемлема в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.9 Комитет считает, что остальные заявления автора, а именно, по статье 2; по статье 7; по пункту 1 статьи 9; по статье 10; по пунктам 1, 2, 3 b), d), e) и g) статьи 14; а также по пункту 1 статьи 15 Пакта в достаточной степени обоснованы с точки зрения приемлемости, и переходит к их рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей представленной ему сторонами информации, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Автор утверждает, что он подвергался избиениям, угрозам расправы над членами его семьи, помещался в карцер милицейскими дознавателями в ИВС города Василькова с целью его принуждения к признанию себя виновным, что противоречит положениям статьи 7 и пункта 3 g) статьи 14 Пакта. Комитет отмечает, что 17 февраля 2000 года автор представил письменную жалобу в Киевскую областную прокуратуру, описав в ней примененные к нему незаконные методы ведения дознания, и что указанная прокуратура решила не возбуждать уголовного преследования и не проводить никакого дальнейшего расследования. Комитет далее отмечает, что автор отказался в суде от своих признательных показаний, утверждая, что они были даны под пытками и что суд отказался рассматривать его возражение относительно добровольности своего признания после того, как были заслушаны показания пяти милицейских дознавателей. Никакие другие свидетели не были вызваны для дачи показаний. Комитет также отмечает, что, по утверждениям государства-участника, автор не представил никаких свидетельств в обоснование своих утверждений о том, что он подвергся избиениям и другому физическому и/или психологическому давлению.

7.3 В этой связи Комитет подтверждает свою практику принятия решений[32], согласно которой бремя доказывания не может возлагаться только на автора сообщения, особенно с учетом того, что автор и соответствующее государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательной базе и что зачастую только государство-участник располагает требуемой информацией. Из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола вытекает, что государство-участник имеет обязательство по добросовестному расследованию всех заявлений о нарушении Пакта, в которых, как утверждается, повинны это государство и его представители, а также по представлению Комитету сведений, которыми это государство-участник располагает. В тех случаях, когда автор предпринял все разумные усилия для сбора свидетельств в поддержку своих заявлений, а дальнейшее разъяснение зависит от информации, которой располагает исключительно государство-участник, Комитет может считать заявления автора обоснованными в отсутствие удовлетворительной доказательной базы или несмотря на противоположные замечания, представленные государством-участником.

7.4 Кроме того, в связи с заявленным нарушением прав автора по пункту 3 g) статьи 14, а именно принуждением к подписанию признательных показаний, Комитет должен принять во внимание основополагающие принципы, лежащие в основе гарантии этих прав. Он ссылается на практику принятия им решений, в соответствии с которой пункт 3 g) статьи 14, где сказано, что никто не должен

[32] См., например, сообщение № 30/1978, *Блейер против Уругвая*, Соображения, принятые 24 марта 1980 года, пункт 13.3; сообщение № 139/1983, *Контерис против Уругвая*, Соображения, принятые 17 июля 1985 года, пункт 7.2; и сообщение № 1297/2004, *Меджнун против Алжира*, Соображения, принятые 14 июля 2006 года, пункт 8.3.

"быть принуждаем к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным", следует толковать таким образом, что подразумевается отсутствие какого-либо прямого или косвенного физического или психологического принуждения со стороны органов дознания по отношению к обвиняемому с целью получения признания вины[33]. Комитет напоминает о том, что в отношении заявленных признательных показаний, данных под принуждением, бремя доказывания лежит на государстве-участнике, которому надлежит доказать, что показания были даны обвиняемым/обвиняемой по его/ее собственной воле[34]. Комитет отмечает, что государство-участник не представило никаких аргументов, подкрепленных соответствующими документами, в опровержение утверждения автора о том, что он был принужден признать себя виновным. При таких обстоятельствах Комитет приходит к заключению о том, что факты, которыми он располагает, свидетельствуют о нарушении статьи 7 и пункта 3 g) статьи 14 Пакта.

7.5 Комитет также напоминает о том, что государство-участник ответственно за безопасность любого лица, содержащегося под стражей, и что в тех случаях, когда то или иное лицо делает заявление о причинении ему повреждений во время содержания под стражей, именно государству-участнику надлежит представить свидетельства, касающиеся этих утверждений[35]. Более того, жалобы на жестокое обращение должны расследоваться незамедлительно и беспристрастно компетентными органами[36]. Комитет отмечает, что автор представил подробное описание обращения, которому он подвергся, и что государство-участник не смогло провести расследование. При таких обстоятельствах данного дела Комитет считает, что существующие требования не были соблюдены, и приходит к заключению о том, что факты в представленном виде указывают на нарушение статьи 7 в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

7.6 В связи с вопросом о том, были ли задержание автора 24 декабря 1999 года и его последующее содержание под стражей осуществлены в соответствии с требованиями пункта 1 статьи 9 Пакта, Комитет отмечает, что лишение свободы позволительно только тогда, когда оно осуществляется на таком основании и в соответствии с такими процедурами, которые установлены внутренним законодательством, и когда это не осуществляется произвольно. Иными словами, первый вопрос, который Комитету предстоит решить, состоит в том, был ли автор лишен свободы с соблюдением соответствующих законов государства-участника. По утверждениям автора, ни одно из оснований для произведения задержания, которые перечислены в первой и второй частях статьи 106 Уголовно-процессуального кодекса, не были применимы на момент его задержания, а милицейскими дознавателями не были соблюдены несколько процедурных требований, содержащихся в Уголовно-процессуальном кодексе, включая право на то, чтобы доступ к адвокату был обеспечен с момента задержания,

---

[33] Сообщение № 330/1988, *Берри против Ямайки*, Соображения, принятые 4 июля 1994 года, пункт 11.7; сообщение № 1033/2001, *Сингараса против Шри Ланки*, Соображения, принятые 21 июля 2004 года, пункт 7.4; А также сообщение № 912/2000, *Деолалл против Гайаны*, Соображения, принятые 1 ноября 2004 года, пункт 5.1.

[34] Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 32, CCPR/C/GC/32, 23 August 2007, paragraph 49.

[35] Сообщение № 907/2000, *Сирагев против Узбекистана*, Соображения, принятые 1 ноября 2005 года, пункт 6.2; и сообщение № 889/1999, *Жейков против Российской Федерации*, Соображения, принятые 17 марта 2006 года, пункт 7.2.

[36] Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток и жестокого обращения или наказания, *Official Records of the General Assembly, Forty-seventh Session, Supplement No. 40* (A/47/40), annex VI, sect. A, paragraph 14.

на то, чтобы допрос в качестве подозреваемого был произведен немедленно и при этом были разъяснены его права. Хотя государство-участник утверждало, что задержание автора, произведенное 24 декабря 1999 года, отвечало требованиям статьи 106 Уголовного кодекса, оно признало, что автору был назначен адвокат, а сам он был впервые допрошен в качестве обвиняемого, только через три дня после его задержания. Комитет отмечает аргумент автора о том, что, согласно части второй статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса, допрос подозреваемого должен быть произведен немедленно и что, согласно части второй статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса, ему/ей должен быть обеспечен доступ к адвокату в течение 24 часов после задержания. Комитет также отмечает заявление автора, которое не было конкретным образом оспорено государством-участником и которое состояло в том, что он фактически подвергался допросам со стороны милицейских дознавателей в течение трех дней после его задержания в отсутствие адвоката и следователя, и при этом его права не были ему разъяснены. При таких обстоятельствах Комитет приходит к заключению о том, что имеется нарушение пункта 1 статьи 9 Пакта.

7.7 Комитет отметил утверждения автора о том, что условия содержания под стражей в ИВС города Василькова, где он содержался с 24 декабря 1999 года по 11 января 2000 года и затем с 22 февраля 2000 по 21 марта 2000 года, не были надлежащими и что камеры были переполнены людьми, с сыростью и грязью, и при этом не были оборудованы койками, матрасами и другими элементарными предметами; а также что температура воздуха, освещение и воздухоподача в камерах были в целом ненадлежащими. Государство-участник не представило конкретных замечаний по этим утверждениям автора, которые были изложены весьма детально. Комитет напоминает о том, что к лицам, лишаемым свободы, должны применяться минимальные стандартные правила обращения[37]. Как явствует из сообщений автора, которые не были опровергнуты государством-участником, эти стандарты не соблюдались. Таким образом, Комитет приходит к выводу о том, что представленные ему факты указывают на нарушение государством-участником прав автора по пункту 1 статьи 10 Пакта.

7.8 Комитет отмечает заявления автора о том, что он был лишен доступа к какому бы то ни было адвокату в течение 72 часов, а к адвокату по собственному выбору – в течение периода времени свыше двух месяцев, и что ему был навязан адвокат в его должностном качестве, который участвовал в процессуальных действиях лишь формально, а также о том, что не было юридических оснований для назначения ему адвоката в его должностном качестве. Государство-участник частично отвергло эти претензии, заявив, что в течение трехдневного периода, когда автор не был представлен никаким адвокатом, по отношению к нему не предпринималось никаких процессуальных действий и что автор не осуществлял никаких шагов по информированию властных инстанций государства-участника относительно неэффективности адвоката, назначенного в его должностном качестве. Автор ответил на эти замечания государства-участника, заявив, что именно в течение этого трехдневного периода времени, когда автор не имел доступа к адвокату, его убеждали дать показания против самого себя. Кроме того, он представил копию протокола допроса от 14 июня 2000 года в поддержку своего утверждения о том, что он обращался с жалобами к властям государства-участника относительно неэффективности адвоката, назначенного

[37] Замечание общего порядка № 21: Гуманное обращение с лицами, лишенными свободы (статья 10), HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I) at pp. 202−203, paragraphs 3 and 5.

ему по служебной линии. При таких обстоятельствах Комитет приходит к заключению о том, что представленные ему факты указывают на нарушение подпунктов b) и d) пункта 3 статьи 14 Пакта.

7.9 Комитет отмечает заявление автора о том, что его судебное разбирательство не было справедливым, поскольку суд не был беспристрастным и не отвечал требованиям уголовно-процессуального закона. Кроме того, автор указывает на обстоятельства, которые, как он утверждает, свидетельствуют о том, что ему не было предоставлено возможности воспользоваться презумпцией невиновности. Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что он и его адвокат ходатайствовали перед судом, среди прочего, относительно исследования соответствующего заявления, согласно которому он и его сообвиняемые были подвергнуты незаконным методам ведения дознания милицейскими дознавателями на стадии досудебного расследования, с тем чтобы принудить их к признанию себя виновными, а также относительно исключения инкриминирующих его свидетельств, полученных незаконными методами, включая "признательные показания", написанные г-ном Р.К. 24 декабря 1999 года, поскольку его уже было невозможно вызвать в суд в качестве свидетеля. Эти ходатайства не были приняты к рассмотрению Киевским областным судом. Верховный суд, который исследовал уголовное дело автора в кассационном порядке, не устранил никаких пробелов производства в суде первой инстанции.

7.10 В этой связи Комитет напоминает о практике принятия им решений, в соответствии с которой обзор или оценка фактов и доказательств либо анализ толкования внутреннего законодательства национальными судами обычной и специальной юрисдикции осуществляются в основном не Комитетом, а судебными органами государств-участников, если только не наличествуют убедительные свидетельства того, что судопроизводство по конкретному судебному разбирательству или оценка фактов и доказательств либо толкование законодательства осуществляются явно произвольным путем или равносильны отказу в правосудии[38]. В настоящем случае представленные автором факты, которые не были конкретно прокомментированы государством-участником, указывают на то, что оценка свидетельств, инкриминирующих автора, судами государства-участника отражают их неспособность обеспечивать гарантии справедливого судебного разбирательства, как это было определено Комитетом ранее в отношении подпунктов b), d) и g) пункта 3 статьи 14 Пакта. При таких обстоятельствах Комитет приходит к заключению о том, что представленные ему факты указывают на нарушение пунктов 1 и 3 e) статьи 14 Пакта.

7.11 В свете этого заключения Комитет не считает необходимым отдельно рассматривать заявление автора по пункту 2 статьи 14 Пакта.

7.12 Комитет отмечает заявление автора по пункту 1 статьи 15 относительно того, что, приговорив его к пожизненному тюремному заключению, суды государства-участника применили к нему более суровую меру наказания, по сравнению с той, которая была применима на момент совершения преступления, и с той, которая была применима в соответствии с "переходным законодательством", т.е. по сравнению с тюремным заключением на срок в 15 лет. Комитет также отмечает последующие доводы автора, согласно которым, если предусмотренная мера наказания была изменена более одного раза за период времени, прошедший с момента совершения преступления и до признания его виновным, то на него должно распространяться действие того варианта закона, кото-

[38] См., среди прочего, сообщение № 541/1993, *Эррол Симмс против Ямайки*, Решение о неприемлемости, принятое 3 апреля 1995 года, пункт 6.2.

рый обеспечивает ему наиболее благоприятные правовые последствия. При этом Комитет принимает к сведению заявление государства-участника, согласно которому такой вид наказания, как смертная казнь, продолжал существовать до 29 декабря 1999 года, когда Конституционный суд провозгласил незаконными те положения Уголовного кодекса, которыми предусматривалась смертная казнь в виде наказания. Комитет также отмечает, что, согласно самому постановлению Конституционного суда от 29 декабря 1999 года, положения Уголовного кодекса в отношении смертной казни утрачивали силу со дня принятия указанного постановления. Таким образом, на момент совершения преступления, а именно 13 декабря 1999 года, статья 93 Уголовного кодекса предусматривала два вида наказания за убийство: от 8 до 15 лет тюремного заключения или смертную казнь.

7.13 Комитет далее отмечает в связи с рассматриваемым периодом времени, когда применимые нормы закона определялись на основе постановления Конституционного суда от 29 декабря 1999 года, согласно которому эти нормы закона были применимы к четко обозначенной категории дел, а именно тех дел, которые касались преступлений, совершенных в период между 29 декабря 1999 года и 4 апреля 2000 года, а также тех дел, решения по которым были приняты в течение вышеуказанного периода времени. В этой связи Комитет ссылается на созданный им прецедент в виде сделанного им вывода по делу Тофанюк против Украины[39], согласно которому постановление Конституционного суда не установило нового наказания, которое заменило бы смертный приговор. В этой связи Комитет приходит к выводу, что в деле автора тем законом, который действовал в период между 29 декабря 1999 года и 4 апреля 2000 года, не "устанавливается […] более легкое наказание" по смыслу последнего предложения пункта 1 статьи 15 Пакта. Далее Комитет отмечает, что введенное законом от 22 февраля 2000 года наказание в виде пожизненного тюремного заключения в полной мере отвечает цели соответствующего постановления Конституционного суда, которая состояла в отмене смертной казни как вида наказания, которое является более суровым, чем пожизненное тюремное заключение. Следовательно, отсутствуют какие-либо иные положения, предусмотренные законом в отношении установления какого-либо более мягкого наказания, применимого к автору, помимо указанной выше поправки, касающейся пожизненного заключения[40]. При таких обстоятельствах Комитет не может прийти к заключению о том, что суды государства-участника, приговорив автора к пожизненному тюремному заключению, нарушили его права, вытекающие из пункта 1 статьи 15 Пакта.

8. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 15 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статьи 7; статьи 7 в совокупности с пунктом 3 статьи 2; пункта 1 статьи 9; пункта 1 статьи 10; а также пункта 1 и подпунктов b), d), e) и g) пункта 3 статьи 14 Пакта.

9. В соответствии с подпунктом a) пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты. Такое средство правовой защиты должно включать в себя пересмотр судебного решения о его осуждении при соблюдении гарантий справедливого судебного разбирательства в соответствии со статьей 14 Пакта, проведение беспристрастного, эффективного и тщательного расследования заявлений автора по статье 7,

[39] Сообщение № 1346/2005, *Тофанюк против Украины*, Соображения, принятые 20 октября 2010 года, пункт 11.3.

[40] Ibid.

преследование в судебном порядке виновных лиц, а также полное возмещение вреда, включая предоставление надлежащей компенсации. Государство-участник также обязано принять меры, позволяющие избежать повторения аналогичных нарушений в будущем.

10. С учетом того, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и обеспечивать им эффективное и обладающее исковой силой средство правовой защиты в случае установления нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, принятых для претворения в жизнь соображений Комитета. Кроме того, государству-участнику предлагается опубликовать соображения Комитета.

[Принято на английском, французском и испанском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии будет издано также на арабском, китайском и русском языках в качестве части годового доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]